

Р.Х. СИМОНЯН, Т.М. КОЧЕГАРОВА

СОБЫТИЯ 1939–1940 годов В МАССОВОМ СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН БАЛТИИ

Оккупационная доктрина, принятая в странах Балтии, служит юридическим основанием для решения целого ряда как практических, так и политико-идеологических проблем. На ее основе происходит дискриминация сотен тысяч постоянных жителей этих стран (ограничения на занятие должностей, лишение права участвовать в парламентских выборах в Эстонии, а в Латвии помимо этого и в местных выборах), выдвигаются финансовые претензии к России.

Вопрос об оккупации, который сегодня активно дискутируется, во многом искусственный, противоречащий здравому смыслу. Действительно, что это за оккупация, когда власть не только никак не ущемила прав "оккупируемых" по сравнению с правами "оккупантов", не ввела никакого "оккупационного режима" на их территории, не назначила сюда своих генерал-губернаторов (как это делала, например, Германия, назначив на оккупированных территориях гауляйтеров), не ввела других соответствующих оккупационному режиму атрибутов, а решение о вступлении в СССР приняли в 1940 г. **легитимные органы власти** – парламенты Латвии, Литвы и Эстонии, избранные на основе существующих в этих странах государственных законов. Кстати, решения о независимости этих республик в 1991 г. были приняты их Верховными Советами, т.е. органами "оккупационного режима", что переводит дискуссию об оккупации в плоскость политического курьеза.

И, наконец, что это за оккупация, когда "оккупанты" последовательно осуществляют преимущественное инвестирование "оккупированных" территорий, повышают уровень жизни их населения в ущерб собственному народу, развивают там национальную культуру, в то время как деградирует собственная? Например, "оккупированная" Латвия с населением в 2,5 млн. человек получала в советское время из госбюджета в 4 раза больше, чем Воронежская область с населением в 2,8 млн. человек. В советской Прибалтике был не только самый высокий уровень доходов, но и условия жизни здесь были более комфортными, чем в других регионах СССР. Даже давление идеологического пресса ощущалось значительно меньше. Так, среди профессорско-преподавательского состава некоторых кафедр общественных наук в Тартуском университете было много изгнанных из других учебных и научных центров Советского Союза, прежде всего из Ленинградского университета, опальных ученых. Здесь состоялись первые в СССР выставки художников – авангардистов, первые джазовые фестивали, переведены на титульные языки многие запрещенные в СССР западные авторы. Запрещенный в 1979 г. в СССР кинофильм Отара Иоселиани "Пастораль" был тогда же многократно показан в рижском Доме кино, в кинотеатрах Таллинна и Каунаса. Примеров, подтверждающих, что не только никакого оккупационного режима в Прибалтике установлено не было, а, наоборот, здесь были созданы наиболее благоприятные в Советском Союзе условия жизни, можно приводить много.

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, профессор, руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН.

Кочегарова Тамара Михайловна – ученый секретарь Российско-Балтийского центра, научный сотрудник Института социологии РАН.

Что неудивительно, так как опережающее развитие национальных республик и автономий было стратегической линией Центра в Советском Союзе. В соответствии с законом о бюджете СССР, еще в первое послевоенное десятилетие Россия оставляла у себя 50% полученных ею доходов, Украина и Белоруссия – по 55%, а все остальные республики – по 100% да еще получали субсидии из Центра. И это осуществлялось в то время, когда республики-доноры, понесшие наибольший урон во время Второй мировой войны, восстанавливали свою экономику. Русские, приехавшие после войны в страны Балтии, прибыли сюда не как оккупанты, а как строители, производственники и другие специалисты, вложившие свой труд в развитие этих стран.

При этом следует подчеркнуть, что здравый смысл все же не позволяет прибалтам не учитывать абсурдность оккупационной доктрины. Словосочетание "оккупационный период" навязчиво эксплуатируется и в лексиконе политиков, и в масс-медиа, но только до тех пор, пока оно не сталкивается с реальностью. Так, широко отмеченное осенью 2005 г. 60-летие системы образования музыкальных школ в Эстонии (в буржуазной Эстонии ничего подобного не было) даже самые праворадикальные газеты относили не к "периоду оккупации", а к "советскому периоду". Точно так же праздновался 60-летний юбилей образования мужского хора Эстонии, 20-летие Национальной библиотеки Эстонии – лучшей в то время в СССР (да и сейчас ей нет равных ни в одной из стран постсоветского пространства), многих других достижений культуры, созданных в советский (не в оккупационный!) период. Ни один из малочисленных народов современной Европы не имеет собственной 16-томной национальной энциклопедии. Подобное издание на высоком полиграфическом уровне было осуществлено в Эстонии, семь томов было напечатано при советской власти. Можно и дальше продолжать иронизировать над надуманностью этой дефиниции. Как известно, русские в СССР не имели никаких преимуществ перед титульными жителями Прибалтики. Наоборот, в целом положение русских в СССР было значительно хуже, чем положение многих представителей титульных этносов в союзных республиках. Это признают и западные социологи. "В глазах многих русских, – отмечает известный немецкий социолог Ян Экберт, – нерусские были привилегированными в системе национальных республик, в то же время многие нерусские называли советскую систему русской империей"¹. Но если СССР и был империей, то она была очень странная – империя-наоборот, в которой "колонии" питались соками, выжимаемыми из "метрополии". Это по существу.

А если строго юридически, – а именно так и только так следует подходить к термину, если он используется для формирования государственной правовой системы, – то здесь следует опираться на те общепризнанные международные правовые акты, которые действовали в тот период. Был ли такой документ в тот исторический период? Такой документ был и, можно быть уверенным, что авторы оккупационной концепции знали о его существовании.

Гаагская конвенция 1907 г., подписанная 44 странами, определяет **оккупацию как следствие международного военного конфликта**, т.е. оккупации должны предшествовать военные действия между государствами. **Но в 1939/1940 гг. между СССР и Латвией, СССР и Литвой, СССР и Эстонией, не было ни вооруженного конфликта, ни военных действий. Следовательно, исходя из определения, зафиксированного в Гаагской конвенции, не было и оккупации.** Разумеется, это несколько не оправдывает сталинских массовых репрессий после вхождения этих стран в состав СССР.

Некорректному использованию термина "оккупация" способствует нынешняя практика смешивания значений, неряшливость, а иногда и элементарная безграмотность в употреблении понятий, особенно содержащих негативную коннотацию. Это касается таких понятий как фашизм, геноцид, экстремизм и т.п. «Термин "оккупация", –

¹ Экберт Я. Исследования проблем мира в период и после конфликта "Восток–Запад". Статьи последних 20 лет. М., 1997, с. 280.

подчеркивает сотрудник Института российской истории РАН Е.Ю. Зубкова, тщательно исследовавшая российские и германские архивы, – совершенно не соответствует ни долгосрочным планам Советского Союза относительно Прибалтики, ни реальному развитию событий в этом регионе»².

Помимо Гагской конвенции, зафиксировавшей строгое определение такой важной категории международного права, как оккупация, в эти судьбоносные годы действовал пакт Бриана – Келлога от 1928 г. и Лондонская конвенция 1933 г., которую подписали как СССР, так и Латвия, Литва и Эстония. В этих документах определялась и запрещалась агрессия, которой считалось "вторжение вооруженных сил на территорию другой страны; введение наземных, морских или воздушных сил на территорию другого государства без разрешения правительства этой страны или, нарушая условия, которые ею были поставлены или оговорены, блокирование побережья и портов". А вот здесь уже есть предмет для обсуждения: были ли или не были нарушены подписанные условия ввода и условия пребывания войск на военных базах. Если окажется, что были, то тогда можно говорить об агрессии, но никак не об оккупации. Латвию, Литву и Эстонию в 1940 г. не оккупировали, а при активном содействии местных компартий и поддержке части населения присоединили к Советскому Союзу. Формально даже не по инициативе Кремля, а по просьбе парламентов этих стран. И летом 1940 г. это вовсе не противоречило общественному мнению в этих странах, которое основывалось на реальной ситуации в Европе того времени. Выбирать приходилось из двух зол. Руководители Латвии, Литвы и Эстонии взвешивали возможности сохранения для своих стран государственности, и они эти достаточно скромные возможности, как это им представлялось, в полной мере использовали. Практически то же самое произошло со странами Восточной Европы после Второй мировой войны. Союзники, победившие Германию, договорились о разделе зон влияния в Европе. Польша, Венгрия, Чехословакия и другие страны оказались в зоне влияния СССР, а Финляндия этой участи избежала. Разумеется, это было ничем иным, как договором о разделе сфер влияния между большими государствами.

На эту достаточно очевидную аналогию при оценке событий 1940 г. обращают внимание как балтийские, так и российские историки. «В ситуации начавшейся Большой войны возможности были, конечно, предельно ограничены, но это не значит, что они отсутствовали вовсе, – пишет Е.Ю. Зубкова. – В какой степени намерения Сталина будут реализованы, зависело не только от "силы давления", но и от "силы сопротивления" – от позиции балтийских стран и реакции влиятельных западных держав на политику Советского Союза в Прибалтике»³.

Антигерманские настроения, характерные для населения этих стран, резко усилились после прихода нацистов к власти в Германии. Наступление Германии на Западном фронте и прорыв вермахта к Ла-Маншу 20 мая 1940 г. решительно изменил стратегическую обстановку в Европе. Среди некоторых слоев населения прибалтийских республик вновь оживились опасения, что после победы на Западе Германия возобновит экспансию на Восток, что сделает эти страны театром военных действий. На это обстоятельство справедливо указывают российские историки, в частности, автор фундаментального исследования предвоенного периода М.И. Мельтюхов⁴. Об этом резонно пишут и многие балтийские историки, в том числе литовские П. Леонас, А. Штротас. Последний так характеризовал мнение части интеллигенции: «видя усиливающуюся нацистскую угрозу, "прогрессивные интеллектуалы" начали думать о возможном включении своих стран в "интернационалистский Советский Союз", предпочитая это их поглощению "третьим рейхом"»⁵. Бывший в то время министром ино-

² Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008, с. 100.

³ Зубкова Е.Ю. Указ. соч., с. 59.

⁴ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000.

⁵ Штротас А. Прибалтийские государства. Проблемы национальных отношений в СССР (по материалам западной печати). М., 1989, с. 98.

странных дел Латвии В. Мунтерс, в своих мемуарах признает, что при подписании договора с СССР латвийская делегация исходила из того, что "только так можно сохранить латышский народ, не допустить уничтожения его Германией"⁶.

Сталинский террор, последовавший за вхождением прибалтийских республик в СССР, поставил под сомнение, как дальновидность руководителей этих республик, так и справедливость общественного мнения населения этого региона. Поэтому в 1944 г. – в отличие от ситуации 1940 г. – в Прибалтике возникло массовое сопротивление Советской Армии. "Почему же те самые люди, что довольно мирно отреагировали на первое советское вторжение в 1940 г., взялись за оружие в 1944-м?" – ставят вопрос литовский историк Р. Мисиунас и эстонский политолог Р. Таагепера. Давая на него ответ, в качестве основного мотива этой кардинальной перемены они называют террор 1940–1941 гг. и возвращение карательной практики советского режима в послевоенные годы⁷.

Но тогда, летом 1940 г. включение в состав СССР представлялось для этих стран меньшим из двух зол, и именно поэтому они предпочли этот вариант, ибо независимость нельзя было сохранить ни при каких условиях. Вот почему, имея обученные и оснащенные армии, балтийские государства даже не предприняли попытки постоять за свою независимость, как это сделала соседняя Финляндия, они мирно вошли в состав СССР. А в 1945 г. после окончания войны СССР вернулся к тем своим границам, в которых ее начинал в 1941 г. Кстати, с полного согласия Великобритании и США, что и было зафиксировано в документах Ялтинской конференции.

Но даже если принять агрессию, то она была в тот момент ни чем иным как обычным экспортом революции, который последовательно практиковали большевики, начиная с 1917 г., и который сегодня в виде экспорта демократии демонстрирует еще одна мировая держава. И, как свидетельствуют многие другие примеры, в экспорте революции определяющим был отнюдь не этнический критерий, а классовый, т.е. социальный. То, что происходило после вхождения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР было преступно. Но репрессиям подвергались не собственно латыши, литовцы и эстонцы, а "социально чуждые", и, в первую очередь, русские жители этих стран, в основном белоэмигранты и их потомки. Но в официальной риторике эстон Балтии этот факт упорно замалчивается, потому что подмена социального национальным оказалась несущей опорой всей политической конструкции, создаваемой с осени 1991 г.

Разумеется, и в самих странах Балтии есть немало серьезных историков и юристов, которые имеют свой собственный взгляд на события 1940 г., и которые во многом расходятся с нынешней "генеральной линией". Например, тартуские ученые М. Синиярв, Л. Мялксоо⁸, М. Ильмъярв, написавшие серьезное исследование о К. Пятсе (книга называется "Молчаливая капитуляция"⁹), Э. Соовик, который изложил свои взгляды на эту проблему в статье "Вопрос не в МРП (Молотов – Риббентроп пакт), а в агрессии"¹⁰, рижские В. Блужма, И. Бишерс и др. Разумеется, их голоса не так слышны в общем хоре. Более того, они могут быть подвергнуты санкциям.

Вот показательный пример. В конце 1991 и начале 1992 г. года возник конфликт между будущим первым президентом Эстонии, а тогда министром иностранных дел Леннартом Мери, получившим пост министра еще в апреле 1991 г., т.е. при советской власти, и его заместителем – известным правоведом-международником, профессором Р. Мюллерсоном. Причина конфликта заключалась в том, что Р. Мюллерсон, анализируя документы, связанные с присоединением Эстонии к СССР, пришел к выводу,

⁶ Цит по: *Орлов. А.С. Прибалтика: 1939–1940 гг. – Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германского договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006, с. 287.*

⁷ *Misiunas R.J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence. 1941–1991. Berkly – Los Angeles, 1993, p. 84.*

⁸ См. *Mälksoo L. Nõukogude anneksioon ja riigi jarjepidevus. Tartu, 2005.*

⁹ *Ilmjarv M. Silent Submission. Stockholm, 2004.*

¹⁰ *Eesti Päevaleht, 31.I.2005.*

что юридически оккупации не было, все соглашения с Советским Союзом были подписаны президентом К. Пятсом – легитимным тогда главой государства – без каких-либо оговорок, комментариев или последующих заявлений. Такой вывод не устраивал министра. Р. Мюллерсону был устроен разнос, и он был изгнан со своей должности. Разгорелся скандал, так как министр не имел права увольнять своего заместителя без санкции Верховного Совета республики.

Этот эпизод достаточно убедительно характеризует ситуацию, сложившуюся в Прибалтике после распада СССР. Здесь идея "оккупации" канонизирована, на ее основе построена вся система правового регулирования гражданских отношений в Эстонии и Латвии, на ней воспитано уже поколение молодых граждан этих стран. Слово "оккупация" зацементировалось в головах людей. Это напоминает те сказки об "ужасах" царской России, в которые свято верили советские люди, рожденные после 1917 г. Сработал известный принцип индоктринирования массового сознания, которым так любят пользоваться идеологи тоталитарных режимов. Но главное, что у титульных этносов Балтии эта проблема из когнитивной, логической, рациональной сферы давно перетекла в сферу эмоциональную и иррациональную. Поэтому любая попытка рассмотреть этот вопрос спокойно, в академическом ключе оказывается бесполезной, так как вызывает бурную неадекватную реакцию. Это расценивается среди многих латышей, литовцев и эстонцев как покушение на национальную святыню. Что можно сравнить с реакцией многих советских людей на вышедшую в конце 1970-х годов книгу В. Суворова "Ледокол" или на попытку некоторых филологов установить подлинность "Слова о полку Игореве". Здесь аргументы отступают под напором эмоций. Непочтительное прикосновение к национальным святыням – это всегда болезненный процесс.

Но реальность заключается в следующем: даже если доказать, что оккупации не было (а строго юридически это именно так) то для русскоязычных жителей Латвии и Эстонии ничего не изменится, потому что в этих странах считают по-другому (и не откажутся от доктрины оккупации, иначе рухнет вся правовая конструкция), и на этой основе построена их законодательная система. Именно с этих позиций отклоняется российское обвинение Латвии и Эстонии в массовых нарушениях гражданских прав.

Против такого подхода возражают многие западные специалисты в области международного права. Так, например, немецкий специалист по международному праву М. Виганд разумно полагает, что включение государств Балтии в состав СССР было "принудительным, но ненасильственным"¹¹. Его соотечественница К. Тиле также не считает термин "оккупация", применительно к событиям 1940 г. правомерным, она называет это "советской аннексией"¹². Такого же мнения придерживается известный французский историк Д. Ливен, который называет советскую Прибалтику "областями, аннексированными Сталиным". С этим весьма популярным в странах Балтии автором связан довольно показательный эпизод. Эстонский историк М. Граф, придерживающийся "оккупационной доктрины", в недавно вышедшей книге для обоснования своей позиции часто ссылается на Д. Ливена¹³. Действительно, последний осуждает преступления Сталина. Но при этом французский историк нигде не употребляет термин "оккупация", он пользуется другим термином – "аннексия". Но М. Граф не замечает этой "мелочи".

Некоторые современные русские исследователи также называют включение балтийских республик в состав СССР аннексией. Эту оценку разделяет член русской фракции эстонского парламента в 1994–1999-х годах, профессор Тартуского универ-

¹¹ Цит. по: *Биркенбах Х.-М.* Расследование фактов как средство превентивной дипломатии. (Взгляд международных организаций на конфликт по вопросу гражданства в Эстонии и Латвии.) М., 1998, с. 53.

¹² *Thiele C.* The Criterion of Citizenship for Minorities: The Example of Estonia. – European Center for Minority Issues. Tallinn, 1999, p. 8.

¹³ *Граф М.* Эстония и Россия. 1917–1991. Анатомия расставания. Таллинн, 2007.

ситета С. Исаков¹⁴. Хотя термин "инкорпорация" представляется, на мой взгляд, более точным. Этим термином пользуются и многие балтийские историки, в частности, А. Зунда, который пишет, что "балтийские государства были инкорпорированы в Советский Союз с молчаливого одобрения Британии"¹⁵. С этим термином следует согласиться, так как действовавшее в то время международное право отличалось от современного, а принцип, запрещающий прибегать к угрозе применения силы, ставший одним из основополагающих принципов современного международного права, впервые был закреплен уже после Второй мировой войны, в 1945 г. в Уставе ООН.

И по существу, и по форме пакт Молотова – Риббентропа с секретными протоколами представляет собой ни что иное, как соглашение о сферах влияния двух могущественных государств. Но в пакте не говорится ничего о том, как и когда конкретно это распределение будет осуществлено. Если бы СССР отказался от осуществления расширения своей сферы влияния или использовал для этого только корректные политические рычаги (что было, кстати, не только вполне достижимо, но и более целесообразно, как показали последующие события), то ни у кого не было бы сейчас оснований говорить о пакте Молотова и Риббентропа как о каком-то преступлении. Значительно осложнило ситуацию то, что наличие секретных протоколов к советско-германскому соглашению 1939 г., о которых знала широкая общественность Балтии, отрицалась советским руководством вплоть до самого последнего момента. Практика максимального сокрытия информации, отрицание очевидных событий (в частности расстрела польских офицеров в Катынском лесу), сыграли злую шутку, так как со временем этот пакт в массовом сознании прибалтов превратился в какой-то документ-монстр, хотя он был ничем иным как обычным в то время (да и в нынешнее тоже) политическим соглашением между большими государствами.

Таким образом, советское руководство несет свою долю ответственности за мифологизацию массового сознания населения стран Балтии. Само по себе подписание пакта Молотова – Риббентропа и других подобных соглашений не является преступлением. Преступными являются сталинские репрессии, т.е. не сам пакт, а его последствия. Но в массовом сознании народов Балтии за прошедшие десятилетия произошло совмещение собственно исторического эпизода и его последствий. Или, точнее, результаты вхождения балтийских республик в состав СССР затмили саму процедуру вхождения, вытеснили ее на периферию общественного интереса.

Обстоятельства и процедура вхождения в состав Советского Союза стран Балтии уже никого здесь не интересуют. В массовом сознании оно сложилось в устойчивое представление о событии, давно перешедшее в разряд сакрального. Это представление для балтийских народов является в высшем смысле реальным, так как воплощает коллективный опыт осмысления действительности несколькими поколениями. Подобный надежный опыт служит предметом веры, а не логики, а тем более критики. Миф об оккупации обеспечивает легитимацию существующего общественного устройства. Как и всякий миф, он совмещает в себе два аспекта: диахронический (рассказ о прошлом) и синхронический (объяснение настоящего). И то и другое успешно эксплуатируется национал-радикалами стран Балтии.

Как и всякий миф, он выполняет набор общественно значимых ролей. Во-первых, это интегративная функция, позволяющая сплачивать население на основе единомыслия по поводу знакового события. В этом плане историческая память балтийских народов интенсивно эксплуатируется и "освежается" новыми подробностями террора НКВД. Здесь используется любой повод. В частности, упреки России в связи с реабилитацией бывших легионеров СС, разрешения на их марши в центре Риги. Это вызывало в латышских масс-медиа появление эмоциональных сюжетов депортации 14–

¹⁴ Исаков С. Основные этапы истории русской общины в Эстонии. – Диаспоры, 2002, № 3, с. 63.

¹⁵ Зунда А. Страны Балтии и Соединенное королевство в начале Второй мировой войны (1939–1941 гг.). – Международный кризис 1939–1941 гг., с. 458.

15 июня 1941 г., всего за неделю до начала нападения Германии на СССР. Читательской и зрительной аудитории напоминали о том, что для семей, подлежащих депортации, на железнодорожную станцию подавали товарные вагоны. Своих маленьких детей родители брали с собой, а 16–17-летних посылали отсиживать в лесу: у подростков, полагали родители, была какая-то надежда выжить. С приходом немцев мальчишки выходили из леса и вступали в легионы СС. Понятно, что не за фашистские идеи, а чтобы отомстить за своих близких. Сломанная жизнь этих людей – еще одна трагедия из многих человеческих трагедий того времени. Нет ничего удивительного, что у многих эти люди вызывают сочувствие. Разумеется, этим пользуются национал-радикальные политики, ведь апелляция к пережитому общему страданию сплачивает людей.

Во-вторых, это политическая функция. Правые национал-радикальные партии реализацией "оккупационной концепции" обеспечили себе преимущества на выборах в парламент, ловко соединив в общественном сознании политическое и этническое (левое, следовательно, русское; русское, следовательно, оккупация). В этом заключается ответ на популярный в научных дискуссиях вопрос, почему так слабы позиции социал-демократических партий в странах Балтии по сравнению с постсоциалистическими странами Центральной и Восточной Европы. Политические процессы в странах Балтии, особенно в Латвии и Эстонии, имеют четкий этнический вектор. Как только у партий левого и центрального политического спектра появляются шансы на большинство в парламенте, для электората следует строгое предостережение: "Вы хотите снова русской оккупации?". Это показывает, насколько глубоки на теле балтийских народов рубцы сталинских репрессий, что даже такая демагогия срабатывает.

В-третьих, психологическая функция. Нынешние национал-радикальные политики ностальгируют по 1990-м годам, когда над странами Балтии еще витал ореол жертв тоталитарного режима. Сегодня страны Балтии – наиболее динамично развивающийся регион объединенной Европы, обладающих самым высоким среди всех постсоветских стран уровнем жизни населения. И независимость на них практически "упала с неба". Если еще Литва заплатила 12 человеческими жизнями, Латвия тремя, то в Эстонии не было даже и одной пощечины, полученной в борьбе за независимость. В отсутствии реальных возможностей "пострадать за общее дело" желание поддерживать имидж "жертв" сегодня удовлетворяется в усиленном раздувании темы оккупационного режима, в сублимации страха перед могущественным соседом.

В-четвертых, пропагандистская функция, позволяющая тешить своих избирателей посулами российских миллиардов долларов в качестве компенсации за оккупацию. Оккупационная доктрина помогает и формированию "образа врага" – универсального пропагандистского инструмента для оправдания ошибок, просчетов и профессиональной некомпетентности руководителей государств любого политического спектра. Контент-анализ выступлений многих политических деятелей стран Балтии, приводит к выводу, что вообще никакой Второй мировой войны не было. Жителям нашей страны такое даже трудно себе представить. Но у них здесь своя, возможно, естественная для малочисленных этносов логика, свой кругозор, который у нас иронически называют "хutorским". Возможно также, что мировые процессы для них слишком масштабны, чтобы быть чувствительными. Драматизм глобальных событий 1940-х годов сфокусировался в массовом сознании латышей, литовцев и эстонцев на оккупации. Сначала советской, потом немецкой, а затем снова советской. Национал-радикальные масс-медиа стран Балтии последовательно проводят мысль, что вообще "во всем виноваты русские". Разумеется, все ляпсусы, допускаявшиеся российскими официальными лицами, тщательно фиксировались и эффективно использовались для раскручивания антироссийской пропаганды. Но парадокс заключается в том, что чем меньше Россия дает поводов для возбуждения антироссийских настроений, тем интенсивнее эксплуатируется идея оккупации.

И, наконец, пятая, правая функция. Как уже было отмечено, оккупационная доктрина позволила национал-радикалам создать государственное устройство на этно-

кратической основе. В соответствии с существующим гражданским законодательством все те, кто приехал в Латвию и Эстонию после войны, и их потомки не могут считаться национальными меньшинствами, они – следствие советской оккупации со всеми вытекающими последствиями.

В исторической памяти народов определяющую роль играют эмоциональные мотивы. Особенно это характерно для восприятия трагических событий собственной истории, и, что не менее важно, восприятия исторических персонажей, закрепившихся в памяти народов образов вершителей, или, как теперь принято в социологическом лексиконе, акторов исторического процесса. Помимо зловещей личности Сталина были и непосредственные участники событий 1940 г. в Прибалтике. Это такие малопривлекательные политические деятели, как Л.П. Берия, А.А. Жданов, А.Я. Вышинский, Л.З. Мехлис, В.Г. Деканозов и другие. Если даже в официальной советской историографии они получили негативную оценку, то легко себе представить, как эти мрачные фигуры усиливают эмоциональный накал в восприятии прошлого у балтийских народов.

Чувства прибалтийских этносов по отношению к трагедии 1940, 1941, 1945–1949 гг., как и по отношению к сталинским преступлениям вообще, можно и нужно понять, однако при этом не следует романтизировать исторический процесс. Как это не обидно для прибалтов, но ведь так было еще совсем недавно, на протяжении XIX–XX вв., когда малые, и даже совсем не малые европейские государства – Бельгия, Австрия, Нидерланды, Венгрия, Чехия, Сербия, Польша и многие другие насильственно включались то в одну европейскую империю, то в другую. Все происходящее имеет и свое пространство, и свое время, а политические нормы в Европе даже в первой половине XX в. были именно таковы. Геополитика всегда была и остается циничной. Только очень наивные люди могут полагать, что сегодня не происходит секретных договоренностей между великими державами по поводу судьбы малых стран. Великие державы часто игнорируют правовые нормы, когда это диктует стратегия, как это сделали, например, США, захватившие в 1979 г. вооруженным путем остров Гренада.

Вступление английских и советских войск в Иран (1941 г.), высадка американских войск в Марокко (1942 г.) вопреки воле правительства этих стран, захват Англией острова Мадагаскар (1942 г.), принадлежавшего не участвовавшей в войне вишистской Франции, потопление ее флота (1940 г.) – это только часть подобных акций, осуществленных тогда, в начале 1940-х годов.

В годы, предшествующие Второй мировой войне, страны Балтии были объектами притязаний больших стран на влияние в этом стратегически важном регионе Европы. Англо-французское влияние в Прибалтике в 1920-х годах было доминирующим, середина 1930-х годов характеризуется резким усилением конкуренции со стороны Германии. Советское руководство точно так же стремилось усилить здесь свои позиции. Находясь между СССР и Германией, страны Балтии были связаны с ними системой экономических соглашений и договоров о ненападении от 1926, 1932 и 1939 гг. Логика событий в Европе привела к тому, что в конце 1930-х годов СССР и Германия оказались основными соперниками в борьбе за влияние в этом регионе.

В условиях нарастающей военной опасности роль Прибалтики как сферы национальных интересов СССР резко возросла, стала ключевой. Эту позицию советская делегация отстаивала на начавшихся весной 1939 г. переговорах с Англией и Францией. Окончательно убедившись в том, что партнеры по переговорам не разделяют ее, советское руководство летом 1939 года откликнулось на предложение Германии вступить в переговоры, достижение договоренности с которой позволили Советскому Союзу достичь своих целей. Советская дипломатия рассчитывала на то, что германское руководство, заинтересованное в нейтрализации СССР в предстоящей войне с Польшей, будет вынуждено пойти на удовлетворение советских претензий в Прибалтике. Так и произошло: Германия согласилась практически со всеми требованиями Советского Союза. В секретном дополнительном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении было записано: "В случае территориально-политического переустрой-

ства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами"¹⁶. Следует обратить внимание на последнюю фразу приведенной цитаты. Обе стороны согласились отобрать у Польши Виленский край и вернуть Литве ее древнюю столицу – город Вильнюс, т.е. учли "интересы Литвы". Разумеется, в секретном протоколе учитывались, прежде всего, интересы России и Германии, за что он предан анафеме в странах Балтии. Но против возвращения Виленского края Литве там никто не возражал. Общественное мнение всегда на стороне слабых. Может быть, поэтому малые государства интересы больших государств априори считают менее нравственными, чем интересы своих.

У представителей больших и малых народов имеются существенные различия в национальной психологии. Генетический страх полного физического исчезновения, как это часто было в истории со многими малочисленными нациями, или быть растворенным в пучине глобальных перемен (только в 2001 г., по данным английского журнала "Экономист" исчезло более 30 языков) рождает противодействие, принимающее те или иные формы в рамках различных этнокультурных сообществ. Особенно это характерно для переломных эпох, исторических периодов, характеризующихся высокой рискогенностью. У малочисленных народов чувство грядущей опасности особенно, иногда даже болезненно, обострено. Разумеется, носителем и выразителем этих настроений является национальная интеллигенция. Но и здесь у прибалтийских народов своя специфика.

Сформировавшаяся в основном в советское время интеллигенция стран Балтии, получила в Советском Союзе беспрецедентную историческую возможность творить в условиях относительной материальной обеспеченности, имела возможности для карьерного роста. Правда, при условии соблюдения внешних атрибутов коммунистической идеологии, что создавало для нее определенный морально-психологический дискомфорт. Когда появилась возможность компенсации причиненного морального ущерба, то реализация этой возможности захватила всех. В значительной степени это относится и к научной интеллигенции. Среди наиболее радикальных националистических политиков стран Балтии немало людей с научными степенями, полученными в Советском Союзе. Причем часто в условиях льготного режима, вроде так называемой целевой аспирантуры (докторантуры), когда представители союзных республик принимались туда вне конкурса. Возможно, как справедливо считает Б. Цилевич, в основе нынешнего радикализма этих людей лежит стремление как-то оправдаться за высокий общественный статус и сравнительно неплохой уровень жизни, который они имели при советской власти¹⁷. Существует много причин у определенной части интеллектуальной элиты стран Балтии как для рефлексии по поводу своего недавнего прошлого, так и для компенсаторных синдромов, связанных с резкой переменой идеологических парадигм. Быть вчера носителем коммунистической идеи, а сегодня носителем националистической или либеральной для нормального, а тем более образованного человека – это, по меньшей мере, психологически дискомфортно, и это обстоятельство во многом объясняет, почему основное внимание гуманитарная интеллигенция стран Балтии сегодня уделяет своему прошлому, тратит время на постоянное его переписывание и "переосмысливание". Особенно это характерно для Латвии, где упорное стремление значительной части политического истеблишмента "испить горькую чашу исторических обид до дна", обескровливает его созидательный потенциал. Возможно, именно в этом заключается проблема острого дефицита заметных политических фигур в Латвии, отличающих ее от Литвы и Эстонии. "Я всегда вспоми-

¹⁶ Полпреды сообщают. Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940. М., 1990, с. 18.

¹⁷ Цилевич Б. Время жестких решений. Рига, 1993, с. 280.

наю о политических лидерах послевоенной Западной Германии Л. Эрхарде и К. Аденауэре – личностях, сумевших мобилизовать народ на то, чтобы поднять страну из физических и моральных руин, – пишет латвийский социолог Бр. Зепа, – сравнивая с нашими политиками и с нашей ситуацией, возникшей после распада СССР. У нас не было и нет своих Эрхарда и Аденауэра"¹⁸.

Гипертрофированное внимание к поиску собственной идентичности, чрезмерный акцент на формулировании образа "Я" – нации способно затронуть самые болевые точки общественной психики. Когда у элитной части этноса акцент с ценностей действия смещается на ценности переживания, это замедляет поступательное движение общества. "Память – пища для страха, – замечает венгерский социолог К. Оффе. – В настоящее время в постсоветских обществах вновь открывают для себя и перепишивают историю, особенно историю межнациональных и гражданских войн, прежде значительно искаженную и замалчиваемую. Цель, которая при этом преследуется, – не только подчеркнуть величие желающей возродиться нации, но и обострить этническую напряженность"¹⁹. Заикленность на том, что было в прошлом, не способствует и объединению народов. Ведь интеграция всегда есть своеобразная проекция будущего. Опыт показывает, что сообщества, творческую энергию которых поглощают муки самоидентификации, не имеют необходимых сил не только для развития, но и не готовы к полноценному диалогу с другими. Время и события, связанные с вхождением стран Балтии в состав Советского Союза, не только не отпускают эмоциональную память интеллигенции этих стран, но создают почву для поиска все новых и новых обид. В первую очередь это относится и к периоду накануне нападения Германии на Советский Союз.

Анализируя ситуацию, сложившуюся для СССР на его западных границах в начале лета 1940 г., необходимо учитывать, что в то время кардинально изменилась международная обстановка по сравнению с летом 1939 г. 9 апреля капитулировала Дания, за 5 дней германский вермахт завоевал Голландию, за 19 – Бельгию, за два месяца Норвегию, а 14 мая пал Париж. После того, как фактически вся континентальная Западная Европа была оккупирована Германией, началось интенсивное сосредоточение германских войск в Польше и Восточной Пруссии, т.е. непосредственно у границ Советского Союза. К этому следует добавить, что весной 1940 г. в Восточной Пруссии была объявлена дополнительная мобилизация. Требование увеличить численность советских гарнизонов, расквартированных в Прибалтике, обращенное к Латвии, Литвы и Эстонии, в этих условиях было естественной реакцией советского правительства. Эта мера была продиктована интересами национальной безопасности СССР в ситуации реальной угрозы войны, что вскоре и подтвердилось. Ведь главная цель нацистской Германии, как это неоднократно декларировалось руководителями "третьего рейха", было уничтожение СССР. 11 августа 1939 г., т.е. накануне подписания пакта Молотова – Риббентропа, в беседе с последним комиссаром Лиги наций в вольном городе Данциге К. Буркхардтом Гитлер в очередной раз откровенно высказал суть своих будущих замыслов: "Все, что я собираюсь сделать, направлено против Советского Союза... Я вынужден заключить соглашение с Советским Союзом, после же нападения на Запад и его поражения я поверну все свои военные силы против Советского Союза"²⁰. Какое уважающее себя государство не приняло бы необходимых мер для обеспечения своей безопасности? М.И. Мельтюхов, анализируя изменившуюся после начала войны ситуацию в Европе, приходит к выводу, что «если в период "странной войны" независимая Прибалтика вполне соответствовала советским намерениям, то легкие победы Германии на Западе заставили окончательно решить прибалтийскую

¹⁸ Алиса в стране ЕС. Рига, 2005, с. 215.

¹⁹ Оффе К. Этнозация политики в странах Восточной Европы. – Национальные отношения и этнические конфликты. М., 1993, с. 14.

²⁰ Burckhardt K. Meine Danziger Mission 1937–1939. München, 1960, S. 348.

проблему»²¹. Правительства стран Балтии согласились с советскими требованиями. Ввод 10 дополнительных стрелковых дивизий и 7 танковых бригад как вынужденную меру обеспечения безопасности СССР тогда расценивали многие западные специалисты. Так, глава британского МИД Э. Галифакс считал, что "концентрация советских войск в прибалтийских государствах является мероприятием оборонного характера"²². Аналогично восприняли эту акцию даже главы дипломатических представительств Германии в Латвии – фон Котце и в Литве – Э. Цехлин²³.

Можно сказать, что правительствам стран Балтии ничего не оставалось, как принять требования СССР. Но ведь они их приняли. В отличие от Финляндии, которая эти требования отвергла и решила защищать свою независимость.

Разумеется, Советский Союз не упускал возможности, чтобы оказать давление на страны Балтии. Так, осенью 1939 г. была установлена блокада морского побережья Эстонии, сопровождавшаяся появлением советских кораблей в территориальных водах Эстонии. Но и для этого у советского правительства был повод: 18 сентября, когда советские войска перешли границу с Польшей, из таллиннской военной гавани была отпущена польская интернированная подводная лодка. Москва, опасавшаяся возможных действий этой подводной лодки против советского судоходства, возложила ответственность на Таллинн и установила морскую блокаду Эстонии. 24 сентября для подписания договора о торговле эстонский министр иностранных дел К. Сельтер выехал в Москву на переговоры с В.М. Молотовым. В ходе переговоров К. Сельтеру было предложено заключить договор о взаимной помощи, который обеспечивал бы Советскому Союзу права иметь на территории Эстонии опорные пункты или базы для флота и авиации. Вернувшись в Таллинн, К. Сельтер попытался получить поддержку Германии, но германский посланник посоветовал принять советские требования²⁴. 27 сентября 1939 г. эстонская делегация вернулась в Москву, и в тот же день в газете "Известия" появилась официальная информация о советско-эстонских переговорах, а московское радио сообщило о потоплении в Финском заливе неизвестной подводной лодкой советского судна "Металлист". После этого эстонцам ничего не оставалось, как подписать договор о взаимопомощи сроком на 10 лет, предусматривавший ввод контингента советских войск численностью в 25 тыс. человек. Вместе с тем Москва умело использовала проблему Виленского края в отношениях с Литвой. Советское правительство настаивало на подписании договора и размещении войск на территории Литвы, намекая, что в противном случае Вильнюс может быть передан Белорусской ССР. Перед литовским правительством встал вопрос: подписать требуемый договор с размещением гарнизонов и получить Вильнюс и Виленский край или не подписывать договор, ничего не получить и вступить в конфликт с СССР. Литовцы выбрали первый вариант и 10 октября договор был подписан. Российские историки С.В. Волков и Ю.В. Емельянов справедливо полагают, что "эти договоры не были бы подписаны правительствами Латвии, Литвы и Эстонии, если бы они не знали, что Германия отказалась от своей гегемонии в Прибалтике"²⁵. Тактика советских руководителей заключалась в использовании всего арсенала средств воздействия на соседей, чтобы обеспечить свою безопасность, а тактика руководителей прибалтийских государств заключалась в том, чтобы стараться не обострять отношений с СССР, надеясь когда-нибудь в будущем избавиться от советской опеки.

В отличие от политического истеблишмента у части местного населения договора с СССР породили определенные надежды. Экономические трудности, вызванные вой-

²¹ Мельтюхов М.И. Указ. соч., с. 435.

²² Public Record Office, Cab. 65/7, p. 2557.

²³ Международный кризис 1939–1941 гг..., с. 291–292.

²⁴ См. От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллинн, 1990, с. 135–139.

²⁵ Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М., 1990, с. 170.

ной, способствовали росту недовольства населения, особенно в городах, где особенно остро ощущалось недовольство авторитарными режимами. Следует напомнить читателю, что в середине 1930-х годов во всех трех прибалтийских республиках произошли государственные перевороты и к власти пришли авторитарные руководители, парламентская форма государственного устройства была заменена на президентскую, а парламенты были распущены. Значительная часть населения прибалтийских государств жаждала перемен. Надежды на политические перемены, возможно, и не были столь велики, как считается в советской историографии, но то, что левые получили существенный импульс для активизации своей деятельности не вызывает сомнений. При этом советским дипломатам в Прибалтике было строго указано не вмешиваться во внутренние дела этих стран. Известный в Латвии историк профессор П.Я. Крупников, ныне живущий в Мюнхене, рассказывал одному из авторов статьи, что, будучи сотрудником рижской нелегальной типографии, в которой печатались коммунистические газеты, был арестован в апреле 1940 г. вместе со всеми работниками типографии, предан суду и отправлен в тюрьму. Процесс был громкий, но со стороны советских представителей не последовало никакой реакции, на которую надеялись арестованные коммунисты. В этой связи можно напомнить, как народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов строго указал полпреду в Каунасе Н.Г. Позднякову: "Всякие заигрывания и общения с левыми кругами прекратите..., малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного"²⁶ и обязал полпреда в Эстонии К.Н. Никитина «пресекать всякие разговоры о "советизации" Эстонии и не вмешиваться во внутренние дела Эстонии»²⁷. Разумеется, многие заявления советских руководителей, адресованные прибалтийским республикам в то время носили декларативный характер, а действия дипломатических представителей в этих государствах, возможно, должны были демонстрировать строгое выполнение советской стороной межгосударственных договоров. Но, анализируя события предвоенных лет, можно сделать вывод, что советская политика по отношению к прибалтийским странам претерпевала постоянные изменения, связанные с изменением политической ситуации в Европе. Эта зависимость легко просматривается. По мере возрастания дипломатических и военных успехов Германии, усиливалась и жесткость внешней политики СССР по отношению к западным соседям.

В общественных настроениях стран Балтии особенно остро воспринимаются события лета 1940 г. Анализируя правовую сторону событий этих дней, необходимо обстоятельно рассмотреть шаги, предпринятые официальными структурами стран – участников этих событий. Политическая обстановка в те дни была чрезвычайно сложной. В этой связи можно указать на эпизод, характеризующий ситуацию в странах Балтии, сложившуюся к тому времени. Вопреки позиции президента Литвы А. Сметоны, правительство дало положительный ответ на советские требования увеличить свои военные гарнизоны. Но ответ был дан утром 16 июня, а вечером 15 июня А. Сметона отправил в отставку премьер-министра А. Меркаса, после чего бежал из страны. Но по существующим и тогда, и теперь правовым нормам отправленный в отставку кабинет министров исполняет свои обязанности до того момента, когда будет утвержден новый кабинет. Поэтому с правовой точки зрения официальная позиция Литвы в отношении советских требований не может быть оспорена. И хотя А. Сметона, находившийся к тому времени вне своей страны, отказался принять советский ультиматум и высказался за вооруженное сопротивление Советскому Союзу, это уже не имело только юридического, но и политического значения: на призыв сопротивляться никто не откликнулся. Получив советские требования, президент А. Сметона настаивал на сопротивлении Красной Армии и отводе литовских войск в Восточную Пруссию, но командующий войсками генерал Виткаускас, получив поддержку антигермански на-

²⁶ Полпреды сообщают..., с. 123.

²⁷ Там же, с. 138–139.

строенных офицеров, отказался выполнять указания президента. Президент Латвии К. Ульманис обратился к германскому посланнику фон Котце с просьбой разрешить правительству и армии эвакуироваться в Восточную Пруссию, но также получил решительный отказ.

Все это свидетельствует о том, что у прибалтийских республик не было, по существу, никакой реальной альтернативы кроме принятия советских требований или сопротивления, как это сделала Финляндия. Правительства прибалтийских стран приняли советские требования, и соответствующие соглашения были ими подписаны. При этом необходимо подчеркнуть, что страны Балтии вместе взятые располагали вооруженными силами значительных размеров, во всяком случае, превосходящими финские. Согласно данным латвийского историка – эмигранта Э. Андерсона, страны Балтии имели более 900 орудий, 102 танка, 410 самолетов, а в случае всеобщей мобилизации (население Финляндии в 1940 г. составляло ровно половину населения трех стран Балтии) могли выставить 600 тыс. солдат²⁸. Кроме того, в этих государствах существовали военизированные добровольные организации – в Латвии "Айсардзе" (19 уездных, 1 железнодорожный и 1 авиационный полк, в Литве "Шаулю Саюнга" (20 полков), в Эстонии "Кайтселийт", состоящая из 16 дружин. В сумме это составляло свыше 150 тыс. человек.

Как уже отмечалось, балтийские народы в 1940 г. стояли перед ситуацией выбора между СССР и Германией, а СССР тогда воспринимался там как меньшее зло. При этом необходимо особенно подчеркнуть, что главный гарант безопасности стран Балтии Великобритания к этому моменту отказалась от каких-либо политических и военных обязательств, касающихся гарантий безопасности для государств Балтии. На этот факт обращают внимание балтийские историки, в том числе А. Странга, И. Фельдманис и М. Вирсис²⁹. Великобритания к этому времени уже находилась в состоянии войны с Германией и ей было не до Балтии. Поэтому У. Черчилль, будучи в 1940 г. премьер-министром Великобритании, по свидетельству российского посла И.М. Майского, положительно воспринял включение республик Прибалтики в состав СССР, так как это полностью отвечало тогда интересам Великобритании, воевавшей с Германией. И в своих мемуарах, посвященных событиям Второй мировой войны, У. Черчилль подтвердил эту оценку. Ее разделяют в своих мемуарах де Голль, А. Иден и другие политические лидеры антигитлеровской коалиции того времени. Известный американский юрист-международник Ч. Фенвик писал: "Литва, Латвия и Эстония потеряли свою самостоятельную международную правосубъектность в результате их аннексии СССР в 1940 г., причем международное сообщество не протестовало и не выразило как-то иначе свой отказ признать советские указы"³⁰. Примечательно, что здесь дается характеристика реакции ни каких-либо государств, а международного сообщества и это было написано в 1948 г., т.е. в разгар "холодной войны".

Одним из любимых аргументов адептов "оккупационной доктрины" является присутствие советских воинских частей в момент проведения парламентских выборов в июле 1940 г. Немецкий историк Б. Мейснер подробно описал по документам и материалам прибалтийской периодики особенности и характерные детали выборной кампании тогда в странах Балтии³¹. Действительно, во время парламентских выборов там находились части Красной Армии. Но они присутствовали на основе межправительственных соглашений. А вот во время парламентских выборов в 2005 г. в Ираке там находилась 200-тысячная армия США и их союзников. И при этом не на основе межправительственных соглашений, а в результате прямых военных действий, т.е. окку-

²⁸ *Andersons E. Latvijas vēsture. Ārpolitika II? 1920–1940. Stokholm, 1984, p. 211.*

²⁹ *Feldmanis I., Stranga A., Virsis M. Latvijas Ārpolitika un starptautiskais stāvoklis. 30 gadus otrā pusē. Rīga, 1993, p. 333–338.*

³⁰ Цит. по: *Международная жизнь, 2004, № 8, с. 19.*

³¹ См. *Meissner B. Die Baltischen Staaten im Weltpolitischen und Völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994. Hamburg, 1995, S. 63–87.*

пации, в строгом и точном значении этой дефиниции. Но ведь мировое сообщество никогда не подвергало сомнению легитимность этих выборов.

Можно также вспомнить и то, что независимость Латвии была провозглашена в 1918 г. в то время, когда там еще оставались немецкие войска, а акт о независимости Литвы был принят 16 февраля 1918 г. в условиях немецкой оккупации. После подписания Брест-Литовского договора германские войска оккупировали Эстонию, и становление эстонской власти проходило в течение нескольких месяцев также во время немецкой оккупации.

"Потеря странами Балтии независимости была следствием общеевропейского международного политического кризиса, – пишет упоминавшийся выше эстонский историк М. Ильмъярв, – порожденного Мюнхенским пактом, договорами между Советским Союзом и Германией, германским вероломством, искусной пропагандой и ожиданиями ниспровержения Советского Союза и Германии и, с другой стороны, отсутствием реалистичной и независимой внешней политики на Балтике в 1939–1940 гг., а также той внутренней политикой, которая проводилась в этих странах, тогда как кардинальные сдвиги в большой европейской политике подготовили поле для потери суверенитета балтийскими государствами... Таким образом, тихая потеря независимости балтийских государств и их полное исчезновение с европейской политической арены были результатом долгого процесса, хотя не единственно по причине совершенно безысходной ситуации и не только из-за вынужденных действий, вызванных подписанием пакта Молотова – Риббентропа"³².

В период начавшейся в СССР в середине 1980-х годов перестройки и последующего в ее развитии этапа гласности никто не мешал советскому руководству организовать широкое научное обсуждение проблемы вхождения республик Прибалтики в состав Советского Союза. Для этого можно было привлечь общепризнанных высокопрофессиональных историков и специалистов по международному праву, не только советских, но и зарубежных. Результаты дискуссий столь высокого уровня, безусловно, оказали бы значительное воздействие на общественное мнение Прибалтики. Объективные выводы, сделанные представительным академическим сообществом, возможно, закрыли бы эту тему.

У Советского Союза был великолепный политический шанс решить эту острую и болезненную проблему. Напомним о настоятельных обращениях в конце 1988 – начале 1989 г. республик Прибалтики к руководству СССР с просьбой подписать новый союзный договор. Помимо признанной всеми, в том числе и самими руководителями СССР, необходимости реформации государственного устройства Союза ("возвращения к ленинским нормам федерализма"), у республик Прибалтики были свои юридические основания для этого. Ведь они не подписывали Декларацию об образовании СССР в декабре 1922 г.

Какие же очевидные выгоды вытекали из нового союзного Договора, предлагаемого республиками Прибалтики? Поставив свою подпись под этим документом, руководители Латвии, Литвы и Эстонии тем самым легитимировали бы нахождение этих республик в составе Советского Союза, т.е. был бы закрыт самый болевой, самый уязвимый вопрос государственного устройства Советского Союза. И это была инициатива республик Прибалтики. Они сами предлагали Центру. Это был "их Договор", что, несомненно, было и для тогдашнего политического руководства прибалтийских республик, и, тем более, для Центра выигранным и оперативным, и тактическим, и стратегическим шагом.

По инициативе республик Прибалтики постановлением Верховного Совета СССР от 1 декабря 1988 г. "О дальнейших мерах по осуществлению политической реформы в области государственного строительства" при Верховном Совете СССР была создана комиссия по разграничению прав и полномочий между Центром и союзными рес-

³² Ильмъярв М. Балтийские страны в 1939–1940 годах: замыслы и возможности. – Международный кризис 1939–1941 гг., с. 282–293.

публиками ("комиссия Г.Н. Таразевича"), куда вошли помимо депутатов Верховного Совета ученые: юристы, экономисты и социологи, в том числе и один из авторов этой статьи. На заседаниях комиссии в основном речь шла о необходимости подписания нового Союзного договора, где должны быть четко зафиксированы эти разграничения. Многие члены этой комиссии, и, прежде всего, депутаты от прибалтийских республик – Л. Кукайне, Л. Шепетис, С. Райк – были уверены в том, что договор будет подписан, настолько очевидной для них была его необходимость для сохранения СССР³³. Но прибалтийские участники в своем оптимизме не учитывали крайний непрофессионализм руководителей страны конца 80-х – 90-х годов XX в. М.С. Горбачев отказался тогда это сделать. Через два года он был уже готов подписать такой договор, но исторический момент был упущен. Как остроумно заметил известный журналист Кр.А. Любарский, "Михаил Горбачев умел идти на уступки, правда, именно тогда, когда было уже поздно и никакая уступка не имела значения"³⁴.

Еще один шанс был упущен в 1991 г. После ГКЧП республики Прибалтики, Латвия и Эстония, как и другие союзные республики, объявили о выходе из СССР. 24 августа 1991 г. первый президент РФ Б.Н. Ельцин подписал акты о признании независимости Латвии и Эстонии. Спешка (акты были подписаны менее чем через трое суток после путча) и непрофессионализм, проявленные при подписании документов столь высокого значения, привели к острейшим проблемам и с выводом войск, и с демаркацией границ, и с имуществом, и др.

В них российская сторона не выставила абсолютно никаких условий для своего признания независимости этих стран, что является самым серьезным просчетом. Не было поставлено требование предоставления всем русским жителям этих стран равных гражданских прав, что было вполне достижимо в то время, и что полностью лишало бы идею оккупации какого-либо практического содержания. На вопрос одного из авторов Ф.В. Шелову-Коведяеву, занимавшему в тот период пост заместителя министра иностранных дел РФ и сопровождавшего Ельцина в поездке в Ригу и Таллинн, почему это не было сделано, был дан весьма странный ответ: с руководителями Латвии и Эстонии была на этот счет устная (!) договоренность.

В сентябре 1991 г. вновь образованный высший законодательный орган – Государственный Совет СССР принял постановление о выходе республик Прибалтики из Советского Союза – без каких-либо условий и сколько-нибудь серьезных предварительных обсуждений и переговоров.

Так прибалтийскими национал-радикалами при попустительстве тогдашних руководителей СССР и РФ были созданы условия для широкого распространения мифа о советской оккупации 1940 г. стран Балтии.

³³ Подробнее см.: *Симомян Р.Х.* Россия и страны Балтии. М., 2003, с. 74–79.

³⁴ Новое время, 1993, №21, с. 4.